

Н. Д. ТАТИЩЕВ

Лев Шестов

Дарии Федоровне Татищевой

Тема Льва Шестова — это сверхчеловеческая мощь и загадочная поэзия Библии, особенно книг Ветхого Завета.

Мир погружен во зло и в страдания. Почему так вышло — рассудком понять нельзя. Книга Бытия говорит, что зло и страдание явились после того, как человек вкусил плод от дерева познания добра и зла: не просто от знания, а от способности распознавать добро и зло, или от начала морализации. Так что первородный грех основан на логическом (познание) морализме, что и отдалило человека от Бога.

Детей учат, что грех явился с непослушания, но Библия говорит другое. Не за спор или бунт против Бога первый человек оказался изгнанным из райского сада. Мы подходим к чему-то уже совсем загадочному: оказывается, Бог хочет, чтобы человек спорил и даже боролся с Ним, за допущение Им зла и страдания. Первым получает благословение Авраам, который препирался, пытаясь спасти от разрушения грешные города. Также Иов, который настаивал перед своими морализаторскими утешителями, что он наказан несправедливо, неизвестно за что. Потом Иаков, который уже не только словами всю ночь боролся с Богом:

«И остался Иаков один. И боролся Некто с ним до появления зари. И, увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его, и повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с Ним. И сказал: отпусти Меня, ибо взошла заря. Иаков сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня. И сказал: как имя твое? Он сказал: Иаков. И сказал: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль (Богоборец), ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь... И благословил его там» (Быт. 32).

Все эти люди хотели получить ответ на вполне законный вопрос: зачем столько страданий? Библия одобряет эти споры, но не дает ответа, не освобождает человека от его поисков, только намекает, что здесь область, не поддающаяся истолкованию разума.

Шестов не забывает, что Ветхий Завет одобряет войны Израиля с чужими племенами, когда Израиль разрушал города огнем и мечом. Но Шестов старается принять это как аллегории, притчи: речь идет не столько о городах, сколько о неподдающихся исправлению душах, которые превращаются в пустыни. Но Шестов нигде не говорит, будто все в Библии одинаково ценно. Как у Бердяева, тема размышлений Шестова была загадка свободы, освобождения души.

Шестов старался проникнуть в эту тайну не путем философии. По его мнению, философы («Афины»), если иногда подходили к иррациональному пониманию, сразу путались и возвращались на привычные

пути познания — к логике и к морали. Это случилось с Сократом, с Аристотелем, со Спинозой, с Кантом, со всеми до наших дней. Много раз повторяет Шестов: надо освободиться от законнической морали и вообще от всяких доказательств. «Мои пути не ваши пути, и Мои законы не ваши законы», — говорит Писание («Иерусалим»).

Библия писалась не учеными-богословами, а величайшими на земле поэтами. Но и впоследствии поэты уровня Шекспира и Пушкина больше, чем философы, знали о жизни и смерти. Не Кант, а Достоевский первый дал подлинную критику разума — в рассказах «Записки из подполья», «Сон смешного человека», «Кроткая», и на многих страницах больших романов. Когда душа поэта приближается к месту, где перед ней в сиянии раскрывается космос, некая сила останавливает ее на самой границе и возвращает на землю, чтобы он мог рассказать, в умышленно приблизительных словах (иначе невозможно), о том, что ему открылось в тумане Млечных Путей. В четырех словах, вот что он оттуда вынес: «никогда не подчиняйся необходимости». Это то же, что ночная борьба Иакова.

Было бы хорошо, если в школах начали бы, наконец, учиться открывать истину у больших поэтов, которые все, прямо или косвенно, связаны с библейским откровением. Хорошо рано задумываться над жизнью и угадывать про освобождающую роль жизни и об очищающей смерти. Лишь пройдя в нужное время через ворота смерти, освобожденная душа становится готовой к новой жизни. Пушкин был один из немногих в ту эпоху, кому это было приоткрыто. Шестов несколько раз повторяет, что Сократ возродился в Спинозе — не в переносном смысле, а в самом буквальном.

«Учитесь главному в Священном Писании, потом у Пушкина, у Лермонтова, у Толстого, у Достоевского, у Чехова», — читаем мы в последней и лучшей книге Шестова «Афины и Иерусалим». Вот на странице 256 строки о Чехове: «Памяти тишайшего писателя. В последних произведениях Чехова чувствуешь, что люди плохо слышат тебя, что нужно бы говорить громче, кричать. А кричать — противно. И говоришь все тише и тише, скоро можно будет и совсем замолкнуть».

Как-то, гуляя по залам Лувра, Шестов говорил: «История Авраама, Исаака, Иакова, Иосифа — семейная хроника четырех поколений. В ней не дано отвлеченного понимания жизни, но огненное понимание всем существом человека».

Здесь узнают, как творить, делать Жизнь, как не надо только размышлять о ней. Мы по-настоящему узнаем где, когда и для чего мы живем. Сперва книга Бытия — сотворение жизни и хроника одной семьи пастухов, заканчивающаяся началом пленения в цивилизованном Египте. Потом Исход из этого плена и подготовка к новым пленениям и исходам. Дальше мы вместе с пророками приближаемся к пониманию бессмертия души и воскресения. Завершение дано в Новом Завете — жизнь и дело Христа и апостолов».

* * *

Шестов был противником обучения догматам. «На некоторых учеников притязания разума производят неотразимое впечатление: если ум требует себе покорности — что ж, значит, имеет на то право. Но иных требования разума (“Афины”) удручают. В житии Авраамия Смоленского рассказывается, что ученики “унывали” от учителей. И о Сергии Радонежском передают, что он от учителя “томим был”. Ведь учителя только и живут от милостей разума. Ученики же, которых принуждают покоряться несуществующему всемогуществу, унывают и томятся» (О втором измерении мышления).

Вспоминаю, что в моей гимназии было то же самое на уроках катехизиса. Мы стыдились законопослушного доктринерства: все что угодно ближе к религиозной истине, чем дисциплина митрополита Филарета — который, однако, был современником Преподобного Серафима и Пушкина.

Бог не есть Бог логики, а Бог благой силы, святой воли. Ему нужно довериться, а не проверять Его нашей моралью, как учил отец философии Сократ. Те из людей, кто понял это, тем самым стали причастны свободе. Мы видим, что Шекспир и Пушкин часто доходили до свободы, но не имеет смысла доказывать это, потому что те, кто узнал свободу, поймут о чем идет речь: речь идет о свободе от законнической морали.

«Люди больше не верят ни Пушкину, ни святым. Разум заморозил их — разум хочет быть творцом и единственным творцом всего» (Афины и Иерусалим, последние страницы). «Библейские люди стыдились и боялись своего разума. Когда-то люди понимали, что путь в обетованную землю не открывается тому, кто, как пушкинский Сальери, проверяет алгеброй гармонию и, вообще, тому, кто “проверяет”. Стало быть, проверка, оглядка на свет знания — не ведет к лучшему, как нас учили и сейчас учат думать.

Настоящая истина может обходиться без согласия людей, она равнодушна к признанию и к доказательствам. И “наша совесть”, совесть, которая учит “покоряться и примиряться”, есть только загримированный и переодетый страх» — (страх перед смертью, которой нет, это разум придумал, что мы смертны).

Библейская вера не есть повинование, как считают учителя, скованные унынием. Даже своеволие лучше необходимости, потому что оно все же не толчется на месте.

«В чем смысл истории?» — спрашивал Бердяев. Шестов отвечает Бердяеву — они были друзья и мыслители, близкие по духу. Они иногда совместно выступали и о главном никогда не спорили: «Не надо спрашивать о смысле. Существуют народы большой жизненной энергии, это связано с верой. Такой народ выдержал и татар, и крепостное право, и Сталина... Способность меняться (сейчас русские меняются)

не значит гибнуть, если эта перемена не в главном, не в глубине веры, т. е. доверия к Богу... Кантовское “ты должен” лежит в областях, куда луч веры не доходит». Бог не знает добра и зла. Бог все творит. И Адам до грехопадения был причастен божественному всемогуществу и только после падения попал под власть знания, и в тот момент утратил драгоценнейший дар — свободу. Ибо свобода не в возможности выбора между добром и злом, как мы обречены теперь думать. СВОБОДА ЕСТЬ СИЛА И ВЛАСТЬ НЕ ДОПУСКАТЬ ЗЛО В МИР. Утрата первоначальной невинности породила тревогу, унынье и страх. Страх перед чем? Перед ничем. Смерть, понимаемая как небытие, не существует. По Библии страх и стыд пришли не от неведения, а от знания.

«Наша воля порабощена, она парализована, она в глубоком обмороке, она почти мертва. Знание отдало человека во власть несотворенных ложных истин, эмансипировавшихся от Бога. В этом страшное и роковое последствие времени, истории. Пробудиться от сна духа, который уже стал подобен смерти, сам человек не может. Но он может понять, что все возможно Богу, для Бога нет ничего невозможного, в том числе ВОЗМОЖНО БЫВШЕЕ СДЕЛАТЬ НЕ БЫВШИМ».

Этот текст часто встречается у Шестова, здесь выписываю из статьи Шестова о Бердяеве. Это можно пояснить так: «Вам казалось, что вы лишились свободы, на самом деле это был только дурной сон». Мы можем проснуться. В пробуждении наше спасение. Здесь, по Шестову, основа всего Священного Писания.

«Иисус сказал ему: Прозри! Вера твоя спасла тебя». (Лк. 18:42)*.

В. Н. ИЛЬИН

Л. И. Шестов. «Апофеоз беспочвенности»

В этом месяце исполняется годовщина со смерти нашего долголетнего сотрудника профессора Владимира Николаевича Ильина. «Русская Мысль» отмечает ее статьей покойного о творчестве Льва Шестова.

Очень рано — в студенческие годы как самого Л. И. Шестова, так и пишущего ныне эти строки В. Н. Ильина — появился блистательный первенец великого русского философа и богослова-метафизика Л. И. Шестова.

* Только что переиздана книга Льва Шестова *Sur la balance de Job*. Paris: Flammarion, 1971.